

М. Ю. Беляева (*Россия, Кубань*)

ПРИЕМЫ АНАЛИЗА АНТРОПОНИМИИ ТЕРРИТОРИЙ ВТОРИЧНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ

Начальный этап освоения западной части Кубани славяноязычными этносами (конец XVIII в.) обнаруживает господство украиноязычных фамилий, с одной стороны, и отсутствие русскоязычных патронимических моделей фамилий с этномаркирующими аффиксами -ов/-ев – с другой. Прозвищные фамилии первых поселенцев края относятся к миграционным именам, перенесенным ими с прежнего места жительства (Украина, юг России) и выполняющим особую – мемориальную – функцию [Абрамов, Лекарева 1999].

Фамильная ономастика украинского языка получила широкое освещение в трудах таких ученых, как Г. Е. Бучко, И. В. Ефименко, Е. А. Карпиловская, И. Д. Фаріон, Н. Л. и Р. Л. Осташ, В. Садовнича, П. П. Чучка, И. М. Железняк, В. Познанська и др. Тем не менее квантитативный анализ соотношения русских и украинских морфодеривационных моделей в диахронии и современности Кубани до сих пор не осуществлен.

Украинские фамилии с -енко, -юк типичны для материалов Первой переписи переселенцев на Кубань [Первая перепись 2006], например: “курень Темрюкского казаки Никита Кирпиченко, Семен Курочка, Гаврило Головацкий, Федор Кривошия, Василий Котловский, Иван Поламареv, Андрей Коваленко, Федор Шанько, Иван Белокурый, Мойсей Пашенко, Никыхор Савченко, Корний Журба, Мойсей Сеновек, Иван Коломиец, Степан Малий, Степан Чмель, Дмитрий Шолковый, Кузьма Острий, Василий Савчук, Юрий Новак, Иван Таран, Юрий Махинько, Никифор Хохлач, Трофим Христюк”¹.

Преобладание патронимической модели с -енко в ономастических текстах конца XVIII века подтверждается многочисленными примерами:

Давыд Васильев сын Сокол, 60 л., Яков Давыдов сын Соколенко, 30;

Мартин Федоров сын Бабич, 70, сын его Василь Бабченко, 40 л.;

Федор Григорьев сын Кривоший, 80, сын его Павло Федоров сын Кривошиенко, 38;

Парфентий Трофимов Хайло, 40, сын Кирило Пархомов сын Хайленко, 40;

Андрей Яков сын Бобер, 60, Филипп Андреев сын Бобренко, 25;

Павло Осипов Гавриш, 50, Лазарь Павлов Гаврыщенко, 20;

Клим Тимофеев сын Рыбалка, 60, Степан Климов сын Рыбальченко, 25;

Никита Леонтьев Гончар, 42, Федор Никитин сын Гончаренко, 22^{2,3}.

Аффикс -енко оформляет 31 % фамилий жителей куреня Полтавской и 24 % – станицы Титаровской в указанных документах.

Помимо ядерных, ряд фамилий региона в диахронии реализует периферийные патронимические модели, свойственные украинскому языку:

а) сущ. + суф. -ов / -овск / -ан / -ян + ий / ый: *Вовк – Вовчаный, Москва // Московец – Московая, Надточий – Надточний, Остриша – Остришная, Очеретя – Очеретяный, Пицьк – Пичковой, Тур – Туровой; Таран – Тарановский;*

б) сущ. + 0 суф. + -ий / ый: *Ганич – Ганичий.*

На этапе доработки моделей в словопроизводственном процессе имеют место чередования (к // ч), перенос ударения с основы на флексию (*Пицьк – Пичковой*).

Фамилии с русскоязычными аффиксами единичны в именных списках казаков: *Евтухов, Попов* (ст. Титаровская)², *Бондарев, Гервасьев, Карпов, Руднев* (ст. Полтавская)³ и др.

Известно, что отношения принадлежности первичны в языке как в онто-, так и в филогенезе, универсальны для сознания самых

различных этносов. В украинском языке «для выражения понятия «сын такого-то» могли быть использованы суффиксы -ич, -ович, -евич, -енк(о), -ук, - ('ук), -чук, -ак, (-'ак), -чак и другие» [Редько 1969: 16]. К наиболее распространенным принадлежат, по наблюдениям Ю. К. Редько, не более двух десятков словообразовательных типов, среди которых основными являются четыре:

- 1) фамилии с суффиксом -енк-о;
- 2) фамилии с суффиксами -ук (-'ук), -чук;
- 3) фамилии типа имен прилагательных с суффиксами -ськ-, -цьк-, -зьк-;
- 4) фамилии, образованные из собственных имен и нарицательных существительных лексико-семантическим способом.

К наиболее продуктивным в современном украинском языке исследователь относит высокочастотные форманты -ук, (-'ук) – 16, 57 %; -енк(о) – 12, 06%; -ак, (-'ак), -чак – 9, 82 %; -ик (-ник) – 7%, 55 %; -к(о) – 7, 30 %, -ович, -евич – 6, 10 % [Редько 1969].

Примеры их использования находим в «Реестре Запорожского войска» 1756 года:

Иван Стецюк (Титар.), Гаврыло Шерстюк (Полт.), Грыгорий Шерстюк (Титар.),

Иван Косяненко, Василь Москаленко;

Зиновий Попович, Юхим Игнатович;

Федир Санжак – Василь Санжаченко, Павло Плакыденко, Яцько Голуценко, Федир Саченко, Савка Обертасенко, Дорош Дыденко;

Иван Сыпко, Гурын Кладко.

Частотность суффиксов в диахронии крайне невысока. Например, в списках Вышестеблиевского куреня (205 чел.) встречаем: суффикс -енко (10 ед.), -ко (4 ед.), -ич (1 ед.); суф. -ук // -юк отсутствует; Титаровского куреня (327 чел.): -енко (9 ед.), -ко (5 ед.), -юк (1 ед.), -ич отсутствует. В среде субстантивных фамилий суффиксальные модели остаются невостребованными.

Суффикс -енко формирует наиболее типичные для украинского языка суффиксальные патронимические модели фамилий [Познаньска 2006: 47]. Универсальный характер аффикса прояв-

ляется в отсутствии ограничений фонетического плана: суффикс присоединяется к основам на твердый и мягкий согласный. На Украине суффикс -онко / -енко оформляет от 8 до 12% всех аффиксальных фамилий. Только на территории современной Донецкой области количество фамилий с указанным аффиксом составляет 38, 5 % [Познаньска 2006: 47].

По поводу происхождения суффикса -енко в науке существует ряд версий. Согласно предположению А. Степовича, суффикс возник из застывшей формы вокатива уменьшительных существительных на -енок; В. Симович указывал на развитие фамилий с -енко из форм кратких прилагательных среднего рода с аффиксом -еньк (ий): -еньк (ий) – -енько – -енко [Симович 1929]. По мнению О. Б. Ткаченко, формант образовался путем объединения основ на -ен с суффиксом *(ь)к – *(ь)к для обозначения незрелых особей людей и животных примерно во второй половине XII–XIII века, т. е. в период падения редуцированных при отсутствии перехода *e* в *и* [Ткаченко 1958]. Существуют гипотезы происхождения украинского фамильного окончания -ко от адыгского *къо // къуэ* в XVI–XVII вв. (Лопатинский, 1914 г.). В работе А. Максидова “Адыги и народы Причерноморья” приводится версия происхождения прецедентной украинской фамилии *Шевченко* “от слова *шеуджен*, которым адыги обозначали своих христианских священников”. “Под натиском ислама некоторые из них могли эмигрировать к черкесам Левобережной Украины, исповедовавшим христианство; их потомки могли называться *шеудженыкъо*, *шевдженко*, *шевченко*” [Максидов 2003: 46–47].

Предполагают, что существительные с суффиксом -енко первоначально имели деминутивно-экспрессивное или патронимическое значение. Впоследствии они “патронімізуються, перетворюючись у власні назви осіб молодих, незалежних, в особові назви синів” [Сухомлин 1972: 120]. “У сфер власних назв утворення з суффіксом -енко набувають продуктивності в XVI–XVII ст., частково в XVIII ст.” [Познаньска 2006: 48].

Украиноязычные аффиксы в составе российских фамилий встречаются в основном на территориях вторичного заселения, о

чем свидетельствуют материалы, собранные исследователями в различных регионах РФ. По наблюдениям В. И. Супруна, суффикс -енко достаточно частотен в Волгоградской области, где насчитывается свыше ста населенных пунктов с коренным украинским населением [Супрун 2000: 99]. Согласно подсчетам И. А. Королевой, около 3% смоленских фамилий составляют фамилии с суффиксами -онко / -енко; на Смоленщине эта структурная модель чаще встречается в юго-западных районах [Королева 1996: 114–115], а в Белоруссии суффикс оформляет 4,5 % всех аффиксальных фамилий.

Формант -ук // -юк – один из самых активных в системе структурных моделей украинских фамилий – имеет уменьшительное значение и составляет около 10–12% среди всех аффиксальных фамилий Украины. Среди белорусских фамилий количество антропонимов с суффиксами -ук // -юк // -чук составляет от 3% до 5%: бытуют они в основном на границе с Украиной: *Андреюк, Богданюк, Волощук, Гнатюк, Дончук, Дралюк, Зайчук, Иванчук, Кобчук, Максимчук, Леванюк, Никифорчук, Осипчук, Павлюк, Сенчук* и др. В количественном отношении они составляют около 0,4% всех обследованных И. А. Королевой фамилий Смоленского края. Для русских фамилий подобная модель совершенно не характерна; на Смоленщине она имеет место под влиянием украинской и белорусской антропонимических систем. Суффикс относят к иноязычным по происхождению, тюркским или адыгским. Мнение о том, что “адыги и украинцы одинаково оформляют имена на -ук, -лук”, иллюстрируется примерами *Шевчук* (из *Шевацук*), *Деменюк* (из *Домануко, Думеноко*) [Максидов 2003], а также ссылками на традиции называния адыгских детей именами иностранцев, посетивших дом во время рождения сыновей (*Павлюк*) [Намиотокова, Абрегов 1998: 48].

С выбором статуса этномаркирующих аффиксов круг формантов автоматически сужается. Одно из требований заключается в том, что «претендент» на этот статус должен получить распространение на всей территории соответствующего языка, как, например, -енк(о) [Редько 1969: 25–26]. Роль фамилиеобразующих

формантов в идентификации российских фамилий подчеркивается Т. Н. Романовой: «Российская фамилия – русские по происхождению фамилии, образованные от исконно русских антропооснов с помощью русских словообразовательных средств; фамилии, образованные от нерусских по происхождению антропооснов, но при помощи русских фамилиеобразующих формантов; нерусские по происхождению фамилии, освоенные русской антропонимической системой или функционирующие в русской среде» [Романова 2001: 9].

Нами использовался алгоритм, позволяющий выявить соотношение количества этномаркирующих аффиксов, принадлежащих к ономастическим системам разных, но близкородственных языков – русского и украинского. В качестве этномаркирующих русскоязычных фамилиеобразующих формантов в рамках синхронного морфодеривационного анализа выступают -ов (-ев), -ин (-ын); украиноязычных – -енк(о), -к(о), -ук (-юк). Цель подсчетов заключалась в том, чтобы выявить степень устойчивости // изменчивости морфодеривационной структуры ономастических единиц языка (фамилий) в условиях отрыва носителей языка и их потомков от исторической родины. В роли такого языка в силу экстралингвистических причин в условиях российской государственности на территории Западной Кубани оказывается украинский. Подсчеты проводились на синхронном и диахронных срезах языков (в меньшей мере XVIII, в основном XIX–XXI вв.). В связи с этим можно говорить о выявлении скорости изменения родственных языков (точнее выражаясь, о динамике этого процесса через призму словообразования на ономастическом материале).

В число шагов алгоритма анализа входили следующие:

1. Из списка фамилий жителей населенного пункта (города, станицы) выбирались и подсчитывались фамилии с а) русско- и б) украиноязычными аффиксами;

2. Путем деления количества первых на количество вторых устанавливаются индексы а) русскоязычности (Р) и б) украиноязычности (У) фамилий.

Например, из 407 фамилий жителей ст. Калининской (районообразующий центр) на 2005 год было выбрано 267 единиц с этно-

маркирующими аффиксами, в том числе 139 русско- и 128 украиноязычных. Индекс русскоязычности (Р) = $139 : 128 = 1,086$ Р; индекс украиноязычности (У) = $128 : 139 = 0,92$ У. Аналогичные подсчеты проводились на собранном нами языковом материале XIX–XXI веков.

В практике ономастических исследований значимыми точечными координатами служат начало, первая четверть, середина, последняя четверть века. Широкое (иногда слишком) варьирование временных ориентиров в наших вычислениях вызвано отсутствием необходимого языкового материала в архивах, различной степенью трудоемкости извлечения синхронного и диахронного материалов. Не менее сложен вопрос о количестве сравниваемых массивов фамилий, ибо цифры связаны с конкретикой (размером населенного пункта, периодом жизни общества, типом ономастического текста и др.).

Обнаружение региональной специфики антропонимикона немислимо без ориентации на эталонные данные национального языка. За отсутствием соответствующих данных в русистике, нами было проанализировано соотношение русско- и украиноязычных фамилиеобразующих формантов в “Словаре современных русских фамилий” И. М. Ганжиной [Ганжина 2001]. Индексы русскоязычности (Р) и украиноязычности (У) фамилий, по подсчетам на материале 1031 онима, составили:

$$Р : У = 997 : 34 = 29,32 \text{ Р}$$

$$У : Р = 34 : 997 = 0,034 \text{ У.}$$

Данный показатель принадлежит к стохастическим, варьируя в зависимости от инициалей онимов (для А – 13,096 Р и 0,072 У; для Б соответственно – 38,83 и 0,026; для В – 24,5 и 0,041), однако отражает среднее количество позиций цифр в числительных и поэтому может быть принят за условную точку сопоставления.

Имея целью показать результаты соприкосновения русской и украинской ономастических систем на территории обследования, мы пользуемся как эмпирически-дедуктивной концепцией научного знания, так и возможностью интерпретации теоретического термина с помощью теоретических моделей. В свете последнего

возможны по крайней мере три гипотезы динамики ономастических систем в западной части Кубани: а) с преобладанием украиноязычного элемента; б) с преобладанием русскоязычного элемента; в) в состоянии количественного равновесия. Исходя из исторических данных, можно предполагать, что должна возобладать первая точка зрения; учитывая длительность периода существования языка в рамках иной государственности – вторая.

Относясь к языку как к тезаурусу, словообразовательные модели которого обладают долей национальной специфики, мы вводим в исследовательский аппарат понятие “этномаркирующий аффикс”, обозначая типичные для ономастической системы (ядерные, системообразующие, продуктивные, “узнаваемые”) словообразовательные форманты. Для русского языка типовыми фамилиеобразующими суффиксами являются -ов // -ев, реже – -ин / -ын.

Становление славяноязычного ономастикона Кубани проходит в условиях русской государственности, распространяющейся на язык официальных документов, дидактики и, следовательно, ономастических текстов, что не могло не сказаться на украинском языке, несмотря на высокую степень устойчивости антропонимики, по крайней мере на протяжении контактов трех поколений.

Языковая политика государств на территории современного Краснодарского края варьировала от русификации (в Российской империи) к украинизации (1917–1932 г. в СССР), последующему доминированию языка “советского народа” (1933–1990-е гг. в СССР). Упразднение графы “национальность” в паспорте в постперестроечные времена совмещено с правом пользования родными и титульным (русским) языками в различных коммуникативных ситуациях.

Данные, иллюстрирующие смену преобладающих моделей морфодеривационной структуры фамилий на Кубани, представлены в таблицах. Опуская подробности подсчетов, мы предлагаем ознакомиться со сводными таблицами. В них зафиксированы изменения в соотношении украино- и русскоязычных по форме фамилий жителей городов и отдельных станиц региона обследования

более чем за два столетия. В качестве рабочего используется понятие этномаркирующего аффикса, в дальнейшем – ЭА. Для ряда населенных пунктов более позднего заселения Абинский, Крымский р-ны) точкой отсчета становится XIX век. Сокращения Р и У соответствуют индексам русскоязычности (Р) и украиноязычности (У) фамилий.

Таблица 1

Динамика соотношения ЭА по районным центрам региона обследования (XVIII–XXI вв.): города					
Периоды //					
Города	1865-70–1880	1900	1925–1950	1992–1998	2000–2009
Абинск (А)	0, 85	1, 13	1, 42	2, 32	2, 65
	1, 18	0, 89	0, 71	0, 43	0, 38
Приморско- Ахтарск (ПА)	1, 69	1, 95	1, 78		2, 36
	0, 59	0, 51	0, 56		0, 42
Славянск (С)	0, 71	0, 6	1, 15	0,78	2, 33
	1, 4	1, 7	0, 87	1,28	0, 43
Крымск (К)	3, 86		1,18	2, 89	2, 96
	0, 26		0,85	0, 35	0, 34
Темрюк (Т)	0, 9	1, 83	0,92		3,08
	1, 11	0, 55	1.08		0, 34

Таблица 2

Динамика соотношения ЭА по районным центрам региона обследования (XVIII — XXI вв.): станицы						
Периоды //						
Станицы	1793	1816–1839	1865–1880	1900	1925–1950	2000–2005
Калининская (Кл)	0, 076	0,5	0, 38	0, 39	0, 98	2, 2
	13, 16	2	2, 62	2, 59	1, 02	0, 55
Полтавская (Пл)	0, 13	0,11		3, 06	0,85	3, 49
	13: 0	9,36		0, 33	1,19	0, 29
Вышестеблиевская		0, 098	0, 75			1,46
		10, 2	1, 33			0, 69
Ахтанизовская		0,13	1, 21			3, 0
		7,5	0, 89			0, 34
Бриньковская			1, 24	0, 48	0, 46	1, 17
			0, 81	2, 09	2, 16	0, 86

Анализ ЭА в фамилиях жителей региона в конце XX – начале XXI вв. свидетельствует об некоторых расхождениях между индексами этномаркированных фамилий в обследованных населенных пунктах в настоящее время (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Динамика соотношения ЭА по районным центрам региона обследования (XXI в.): города										
Насел. пункт	А		К		П		С		Т	
Индекс	Р	У	Р	У	Р	У	Р	У	Р	У
	2,39	0,43	2,89	0,35	2,36	0,42	2,33	0,43	3,08	0,34

Таблица 4

Динамика соотношения ЭА по районным центрам региона обследования (XXI в.): станицы				
Насел. пункт	Кл		Пл	
Индексы	Р	У	Р	У
	2,2	0,54	3,49	0,29

Средний показатель количества русскоязычных элементов в городах на начало XXI в. составляет 2,61, украиноязычных – 0,39; соответственно в станицах – 2,26 и 0,55 (в том числе в районообразующих станицах – 2,85 Р и 0,42 У). Данные индексы могут быть расценены как некие инварианты соотношения русско- и украиноязычных элементов в современной языковой ситуации в городах и районообразующих центрах. Как видим, степень сохранности украиноязычных фамилий в станицах региона обследования оказалась выше, чем в районообразующих станицах и тем более городах.

Существование в границах российской государственности и русского языка в качестве государственного, несомненно, повлияло на частотность украиноязычных ономастических моделей с этномаркирующими аффиксами.

С этим связано расхождение показателей по отдельно взятым крупным станицам. Наибольший показатель У (0,86) и наимень-

ший Р (1,17) обнаруживается в настоящее время в ст. Бриньковской Приморско-Ахтарского района. Наибольший показатель Р отмечен в ст. Полтавской Красноармейского района (3, 49), наименьший У – там же (0,29). Сложившееся положение обращает на себя внимание, поскольку Приморско-Ахтарский район заселялся позднее, за счет пополнения из других станиц, и в нем преобладало русскоязычное население. Согласно нашим подсчетам на основе «Временных обязательств, выдаваемых иногородним лицам»^{4, 5}, индекс русскоязычности здесь заметно выше, чем в документах, где учитывается постоянный состав населения.

Нетипичные для украиноязычной ст. Полтавской показатели резкого снижения русскоязычности с первой четверти XX века свидетельствуют о насильственном характере миграционных процессов (выселение лиц, содействовавших революционному движению, высылка казачьего населения и их семей), что нашло отражение в исторических документах^{6,7}.

Различия в индексах ЭА станиц одного и того же района, заселявшихся практически одновременно (Ахтанизовской и Вышедеблиевской Темрюкского района), отчасти объясняются притоком рабочей силы из других регионов на крупные местные предприятия по переработке сельхозпродуктов⁸⁻¹⁰.

Таким образом, использование приемов количественного анализа позволяет точнее представить ономастическую ситуацию в регионах вторичного заселения, к которым относится Кубань.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, В. П., Лекарева И. Географические имена / В. П. Абрамов, И. Г. Лекарева // Родная Кубань. 1999, № 1, 109–114.
2. Александрова, В. П. История станицы Полтавской (Красноармейской) / В. П. Александрова. Новороссийск, 2002.
3. Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. М., Изд-во Астрель; АСТ, 2001.
4. Королева, И. А. Из истории изучения фамилий Смоленского края: Материалы для словаря / И. А. Королева. Смоленск, Изд-во Смоленск. гос. пед. ин-та, 1996.

5. Максидов, А. А. Адыги и народы Причерноморья / А. А. Максидов. Нальчик, 2003.
6. Намитокова, Р. Ю., Абрегов А.Н. В мире имен собственных / Р. Ю. Намитокова, А. Н. Абрегов. Майкоп, 1998.
7. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубани в конце XVIII века: исторические документы. Краснодар: Диапазон – В, 2006.
8. Познанська, В. Прізвища з суффіксом -енко в антропонімі Донеччини / В. Познанська // Донецький вісник наукового товариства ім. Шевченка. Т. 11. Мова, література. Донецьк, 2006, 47–55.
9. Редько, Ю. К. Современные украинские фамилии (происхождение, словообразование, территориальное распространение): Автореф. дисертация д-ра филол. наук / Ю. К. Редько. К., 1969.
10. Романова, Т. Н. Российские фамилии украинского происхождения: Автореф. дисертация канд. филол. наук / Т. Н. Романова. Чебоксары, Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2001.
11. Сімович, В. Українські іменники чоловічого роду на -о в історичному розвитку й освітленні / В. Сімович // Праці українського педагогічного інституту у Празі. Прага, 1929, 305–369.
12. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В. И. Супрун. Волгоград, Перемена, 2000.
13. Сухомлин, І. Д. Українські чоловічі прізвища старої Полтавщини з суфіксом -енко (на матеріал “Актових книг Полтавського городского уряду XVII в. / І. Д. Сухомлин // Питання топонімії та ономастики. К., 1972, 119–131.
14. Ткаченко, О. Б. Українські прізвища з суфіксом -енко та споріднені утворення (питання походження) / О. Б. Ткаченко // Слов’янське мовознавство. К., 1958, Т. 2, 38–53.

ИСТОЧНИКИ (обозначены надстрочными цифрами)

1. ГАКК. Ф. 250. Д. 949. Оп. 2. Л. 183.
2. Посемейный список жителей Старотитаровской станицы Таманского округа за 1863 год. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1399.

3. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1244. Л. 126–158. Именной список Черноморского Екатеринодарского округа куреня Полтавского в чиновниках и казаках за 1839 г.

4. ГАКК. Ф. 10. ОАФ. Оп. 1. Л. 10–52. Книга Приморско-Ахтарского станичного правления. Временные обязательства, выдаваемые иногородним лицам. Февраль 1914 г.

5. ГАКК Ф. 252. Оп. 1. Д. 541. Именной список иногородним лицам, коим разрешено проживать в станице Полтавской станичным собором. 1919 г. Л. 39–43.

6. ГАКК Ф. 252. Оп. 2. Д. 541. Список казакам, кои выселяются из ст. Полтавской. 1919 г. Л. 20; ГАКК Ф. 252. Оп. 2. Д. 541. Список иногородним лицам, кои выселяются из пределов Кубанской области. Л. 35–44.

7. Докладная записка начальнику политуправления СКВО С. Кожевникова начальнику ПУ РККА Я. Б. Гамарнику о настроениях и работе красноармейцев-переселенцев. От 13 апреля 1933 г. РГВА, Ф. 9. Оп. 36. Д. 613. Л. 96–99.

8. Архив Администрации Темрюкского района Краснодарского края. Ф. 52. Д. 470. Л. 1–35. Винсовхоз Старотитаровский Темрюкского района Краснодарского края. Отдел № 1. Книга учета денежных и материальных затрат. 1960–1961 гг.

9. Архив Администрации Темрюкского района Краснодарского края. Ф. 52. Д. 470. Л. 1–91. Винсовхоз Старотитаровский Темрюкского района Краснодарского края. Отдел № 1. Книга учета денежных и материальных затрат. 1962–1965 гг.

10. Архив Администрации Темрюкского района Краснодарского края. Ф. 52. Д. 470. Л. 1–91. Винсовхоз Старотитаровский Темрюкского района Краснодарского края. Отдел № 1. Книга учета денежных и материальных затрат. Д. 6/№. Л. 87–88. 1967 г.

Аннотация

В статье М. Ю. Беляевой рассматриваются возможности применения количественного метода как средства освещения языковой ситуации в регионах вторичного заселения. Использование индексов русско- и украиноязычности для анализа антропонимов

(фамилий) позволяет сделать выводы о соотношении элементов русского и украинского языков в ономастике Кубани в период с конца XVIII по начало XXI вв., о динамике языковых приоритетов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Беляева Марина Юрьевна
Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт
РФ, г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края
Доктор филологических наук, доцент
Доцент каф. русского языка, литературы и методики преподавания Славянского-на-Кубани государственного педагогического института

353560, РФ, г. Славянск-на-Кубани, ул. Отдельская, д. 232, к. 59; 8 918 057 33 73 (сотовый)
fliny@ mail.ru
rusraf.sgpi@ mail.ru (кафедра)